

Siergiej Atpatow
Uniwersytet Moskiewski

**ТОПИКА РУССКИХ СТИХОТВОРНЫХ
ФАЦЕЦИЙ XVIII В.
В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ
НОВОГО ВРЕМЕНИ**

**Topoi in the Russian Poetic Facetiae of XVIII Century
and Folklore Tradition of Modern Times**

ABSTRACT: The subject of the article is interaction of Russian democratic literature and folklore in XVIII century. The interplay between hand-written facetiae and oral tales, rhymes and anecdotes takes place on the level of motifs and characters as well as on the level of topoi – verbal units of figurative, thematic and formulaic nature.

KEYWORDS: facetiae, oral tales and rhymes, topoi

Фольклорно-литературные взаимодействия в европейской культуре Нового времени остаются актуальной сферой современного литературоведения и фольклористики. При этом российская культура оказывается для такого рода исследований своеобразным «экспериментальным полем», поскольку процессы расподобления позднесредневековых фольклорных и литературных традиций и их нового синтеза в словесности XVIII в. протекали в России интенсивно и в «наглядных» формах¹.

Интертекстуальные связи фольклора и литературы традиционно определяют как совокупность многоуровневых взаимодействий, включающую межжанровые, межсюжетные, мотивные, образные и формульно-стилевые взаимовлияния. При этом, исследователи исходят из представлений о том, что литература использует фольклорные образцы и инкорпорируют фольклорные элементы,

¹ Е.К. Ромодановская, *Русская литература на пороге Нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода*, Новосибирск 1994.

подчеркивая зоны стилизации и факты «цитирования», тогда как в структуре фольклорного текста книжные заимствования ассимилируются, и память о литературном «подтексте» для фольклорной традиции не характерна².

Следует отметить, что в целом ряде случаев подобные структурные совпадения фольклорных и литературных текстов следует рассматривать не как намеренные заимствования или опознаваемые цитаты из инородного словесного регистра, но как *топосы* – клишированные текстовые фрагменты, обладающие устойчивым когнитивным и прагматическим потенциалом и стабильно воспроизводимые в определенных речевых контекстах в разных регистрах вербальной культуры социума. При этом применительно к разным аспектам фольклорно-литературных взаимодействий понятие *топос* актуализируется и конкретизируется как «ячейка поэтической мысли», «этнопоэтическая константа» и собственно *locus communes* и *formula*³.

Предметом специального рассмотрения в настоящей статье стал малоизученный вопрос о механизмах взаимодействия литературных образцов и фольклорных моделей в структуре сюжетосложения и стилеобразования русских стихотворных фацетий XVIII в.

Непосредственным импульсом для разысканий послужил текст из рукописного сборника «Забавные жарты» 1770–1780-х гг. «О попе с попадьёю», в котором мужу удастся завершить ссору и помириться с женой, лишь персонально покадив ей во время богослужения:

Кадя, говорит: «Мир ти, Агафья,
Вить ты не другая какая Кутафья!»
Попадья тому радостно разсмеялась,
В ответ попу догадалась:
«И духови твоему, Филипович мой,
Вить и ты также мне не чужой!»⁴.

² В.В. Головин, О.Р. Николаев, «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах Нового времени, [в:] *Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник научных статей*, Москва 2013, с. 16–54.

³ E.R. Curtius, *Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter*, Bonn 1948; А.Н. Веселовский, *Историческая поэтика*, Ленинград 1940; В.М. Гацак, *Этнопоэтические константы в фольклоре (на славянском и неславянском материале)*, [в:] *Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, Москва 2003, с. 311–324; А.М. Ранчин, *О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат*, «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» 2012, № 3, с. 21–32; С.В. Алпатов, *Топосы в системе интертекстуальных связей фольклора и литературы Нового времени*, «Традиционная культура» 2015, № 3, с. 90–101.

⁴ E. Małek, *Русская нарративная литература XVII–XVIII вв. Опыт указателя сюжетов*, Łódź 1996, с. 123–124.

Литературные образцы для пародийного обмена богослужебными репликами легко находятся в русской рукописной традиции «кощунственной» поэзии XVII–XVIII вв.⁵, однако их воплощение в анализируемом тексте опосредовано целым рядом фольклорных форм и контекстов.

Прежде всего отметим, что данная форма шутливого обращения бытовала в повседневном разговорном и эпистолярном дискурсе. Так в 1907 г. в Париже Мария Тенишева записывает в альбом Ольги Базанкур: «Мир ти, Агафья!»⁶. Ту же формулу использует священник, герой повести В.Я. Шишкова «Тайга» (1915), обращаясь к подвыпившему парню⁷.

С другой стороны, у анализируемого пародийного богослужебного возгласа существовал специфический жанровый контекст, поскольку данное клише зафиксировано около 1850 г. в составе приговора, синтезирующего фарсовые элементы небылиц и скоморошин («Птицы на море», «Смерть комара», «Агафонушка», «Заоблачная церковь из блинов» = ATU 1930 *Schlaraffenland*⁸), а также масленичных и свадебных «указов» (типа «Акафист горилке», «Комический монолог на встречу весны»)⁹:

– Мир всем!
– Духу твоему,
Филатьевичу!
– Мир тебе, Агафья,
Сала тебе на голову!
По вино сходи,
За пивом ступай!¹⁰

⁵ Э. Малэк, *К изучению репертуара «кощунственных» текстов в России XVIII в.*, [в:] Э. Малэк, *Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения*, Санкт-Петербург 2008, с. 42–50.

⁶ О.И. Ешалова, «От чистого сердца во имя идеи»: *Первая встреча М.К. Тенишевой и Е.К. Святополк-Четвертинской с О.Г. Базанкур. Париж. 1907*, «Край Смоленский» 2014, № 6, с. 26.

⁷ В.Я. Шишков, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 1, Москва 1974, с. 274.

⁸ ATU – Н.-J. Uther, *The Types of International Folktales*, Part 1–3, Helsinki 2004. (*Folklore Fellows Communications*, Vol. 133–135; № 284–286).

⁹ О взаимодействии указанных жанровых форм в контексте русской смеховой культуры Нового времени см. подробнее В.Д. Кузьмина, *Русский демократический театр XVIII века*, Москва 1958; Ю.А. Крашенинникова, *Свадебные приговоры среди фольклорных и литературных жанров (к вопросу о межжанровом взаимодействии)*, [в:] *От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов*, т. 1, Москва 2010, с. 195–207.

¹⁰ *Литературное наследство*, т. 79: *Песни, собранные писателями*, Москва 1968, с. 578.

С учетом указанного жанрового и мотивного контекста можно предполагать, что поп, герой анализируемой фацеции, пытается «умаслить» попадью (пародийная игра метафорами сало / елей – довольство / милость) и устроить попойку в знак примирения. Очевидно, что на этом фоне вполне уместно звучит фамильярное сравнение Агафья – Кутафья, хотя и поданное в фацеции в форме антитезы («не иная какая»), но сохраняющее базовые пренебрежительные коннотации «растрепанная, неуклюжая женщина»¹¹.

Однако у данной рифменной пары есть более глубокие мифопоэтические корни, мотивирующие появление прозвища Кутафья в данном контексте. В 1997 г. в Архангельской области была записана следующая быличка:

Пришла женщина в гумно. Агафья какая-то. А ей из овина-то и говорит: «Агафья, скажи Кутафье, што умерла Стогафья». Она домой-то пришла, да и рассказывает. Вот такое-то было дело. А там в трубе-то заплакало. Утром встала, а там платок атласный висит. Подарили за то, што передала эту новость¹².

В приведенном примере к знакомой рифменной паре Агафья – Кутафья добавлено окказиональное имя Стогафья, что позволило А.Б.Морозу выстроить следующую интерпретацию: Стогафья – мифологическая хозяйка *стога* (поля / овина), Кутафья – мифологическая хозяйка *кута* («угла» = дома), «доможириха»:

Как в дому несчастье будё, так доможириха под полом плачё. Вот как у меня хозяин-то помереть должен, все я слышала, будто плачет кто так жалобно. Знамо, доможириха цю[я]ла.

А как в дому прибыль будё, уж тут доможириха хлопочет, и скотинку приглядит, и у кросён сидит¹³.

Справедливость данного вывода подтверждают тексты, записанные в других регионах Русского Севера, в частности на Вятке:

Мужичок ехал из районного центра, а дорога в гору. Значит, он с саней-то слез, идет, покуривает и слышит:

– Дяденька, передай окутихе – остожиха умерла.

Он шапку приподнял, чтоб лучше слышать, и опять голос:

¹¹ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 2, Москва 1981, с. 226.

¹² А.Б. Мороз, *О скрытых возможностях фольклорного текста: кроссжанровые метаморфозы и этимологические перспективы*, [в:] *О вере и суевериях: сборник статей в честь Е.Б. Смилянской*, Москва 2014, с. 317.

¹³ И.В. Карнаухова, *Сказки и предания Северного края*, Санкт-Петербург 2006, с. 182.

– Дяденька, передай окутихе, что остожиха умерла.

Огляделся – никого нет вокруг. Пришел домой, сели ужинать, он жене и рассказывал:

– Мне, – говорит, – сегодня послышалось: «Дяденька, передай окутихе – остожиха умерла».

И вдруг слышит: кто-то тихо, тоненько заплакал, а потом дверью хлопнуло – кто-то ушел. Потом в деревне рассказали им. Говорят:

– У вас жила окутиха в кути, а остожиха – это у стога¹⁴.

Следует учесть, что данный сюжет ATU 113A *Pan is Dead* популярен в целом ряде европейских фольклорных традиций, при этом имена мифологических персонажей неизменно образуют рифменную пару: Bildser – Baldser, Dildrum – Doldrum, Nikke – Nakke, Hübel – Habel, Ade – Dade, Atis – Vatis¹⁵, включая Вахру и Вухру русских быличек¹⁶.

В своей статье о латентных смыслах фольклорных топосов, реализуемых при смене жанрового контекста высказывания, Мороз приводит следующие факты, дополняющие и уточняющие основную гипотезу автора: привычное женское прозвище Кутафья имеет в архангельских говорах мужскую пару Кутафий, а также развернутые формы Кутафья Кутафьевна и Кутафий Кутафьевич.

Речь идет о ситуациях ритуального обращения знахарки, ищущей пропавший в лесу скот или заблудившегося человека, к лешему как хозяину данного локуса. В качестве жанрового образца знахарка использует форму свадебного величания жениху, который до момента венчания устойчиво маркируется в свадебных текстах как «чужой чужанин», то есть хозяин *иного* локуса, обладающий собственным именем:

Из-за лесу, лесу тёмного,
Из-за тёмного, дремучёго...
Не сама я к вам на двор зашла,
Да завезли меня кони добрые,
Да шо добры кони да Николаевы¹⁷.

В тексте же припевки лешему имена собственные заменяются на маркированные прозвища Кутафий Кутафьевич и Кутафья Кутафьевна:

¹⁴ *Вятский фольклор. Мифология*, сост. и комм. А.А.Ивановой, Котельнич 1996, с. 20.

¹⁵ W. Hansen, *Ariadne's Thread. A Guide to International Tales Found in Classical Literature*, Ithaca 2002, P. 131–136.

¹⁶ *Мифология Пинежья*, сост. и комм. А.А. Ивановой, Карпогоры 1995, с. 11.

¹⁷ А.Б. Мороз, *О скрытых возможностях...*, с. 313.

Из-за лесу, лесу тёмного,
 Из-за тёмного, дремучёго...
 Не сама я к вам на двор зашла,
 Да завезли меня кони добрые Кутафьевы¹⁸.

После исполнения величания на свадебном пиру жених целует невесту и дарит деньгами певиц. После «величания» знахаркой лешего тот должен утешаться с лешачихой и вернуть пропажу:

Только припевочка сдавать,
 Кутафью Кутафьевичу Кутафью Кутафьевну целовать,
 Вам на потешки, а нам на орешки –
 Отдайте раба Божьего такого-то¹⁹.

Приведенные контексты являются наиболее яркими и наглядными, но отнюдь не уникальными случаями корреляции семантики топосов рукописных стихотворных фацетов и фольклорных текстов. Выявленные смысловые отношения – созвучных имен: Агафья / Кутафья и *Кутафий Филипович / Филатьевич²⁰, социальных статусов: попадья и поп, а также мифологических ролей: «хозяйка и хозяин» церкви – находят поддержку в функциях парных персонажей новогоднего ряжения (день св. Василия Великого, 1 января ст.ст.) в Поволжье, имена которых – Васли Кугыза и Васли Кува (старик Василий и Васильевна) – подчеркивают их ролевую тождественность («муж и жена – одна сатана») в качестве мифологических хозяев праздника²¹.

Таким образом, рифменная пара Агафья – Кутафья, эксплицитно истолкованная в тексте фацетов как антитеза «родная – чужая», имплицитно включает смысл «хозяйка нашего, а не какого-то другого дома». Любопытно, что данный мотив является сюжетообразующим для фацетов о бесстыдной поповой дочери, включенной в тот же список «Забавных жарт»²². Испортившая воздух во время богослужения, поповна отвечает окружающим:

Что вам за нужда, – смело сказала, –
 Вить не ваша церковь, батюшкина,

¹⁸ Там же, с. 311.

¹⁹ Там же, с. 312.

²⁰ При устойчивой коннотации «дурачок» для имени Филатка в текстах XVIII–XIX вв.

²¹ Т.А. Золотова, *Таусеневые песни русских Поволжья*, Йошкар-Ола 1997, с. 83–88.

²² Э. Малэк, *Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения*, Санкт-Петербург 2008, с. 89.

Тут же есть доля и матушкина,
Так потому волно мне и испражнитца²³.

Таким образом, помимо очевидного жанрового (стихотворной фацеции / скоморошины / пародии на богослужение) и мотивного («Бабья большая», ср. АТУ 1375 *Who Can Rule His Wife?*) контекста формулы «Мир, ти Агафья! Вить ты не другая какая Кутафья!» нами устанавливается мифопоэтическая составляющая данного топоса: Агафья-Кутафья – одновременно и «добрая» (этимология имени Агата), и «сальная» домохозяйка («доможириха» в том же этимологическом значении «жир» – достаток, богатство²⁴).

Суммируя сказанное, подчеркнем, что популярность стихотворных фацеций как жанра рукописной демократической словесности в России XVIII в. была обусловлена не только экзотичностью переводных сюжетов или художественной смелостью приемов «кощунственной» поэзии, но и наличием общих для книжной и фольклорной традиции текстовых единиц – *топосов*, благодаря которым в сознании читателей либо слушателей происходила одновременно адаптация литературных образцов и актуализация архетипического контекста воспринимаемого анекдотического сюжета.

²³ Е. Małek, *Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв.*, т. 1, Łódź 2000, с. 284.

²⁴ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1, Москва 1981, с. 466, 542–543.